

УДК 81`27

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.*Московский государственный областной университет***О ПОНЯТИИ «ОТДЕЛЬНЫЙ / САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК»**

Аннотация. Статья посвящена трактовке понятия «отдельный (самостоятельный) язык» и различным критериям его выделения, предлагавшимся в специальной литературе с целью отграничения его от идиомов, подобным статусом не обладающих (диалекты, национально-территориальные / этно-территориальные варианты и др.). Отмечается, что, хотя указанная проблема обладает не только собственно лингвистическим, но и важным общественно-политическим аспектом, единого подхода к её разрешению до настоящего времени не выработано. Данное обстоятельство является причиной достаточно острых дискуссий.

Ключевые слова: язык, отдельный, самостоятельный, диалект, вариант, критерии.

I. Belyaeva, G. Khukhuni*Moscow State Regional University***ON THE NOTION 'SEPARATE / INDEPENDENT LANGUAGE'**

Abstract. The present paper deals with the interpretation of the notion 'separate/independent language' and different criteria of its definition given in special literature. These criteria are used to distinguish 'language' as such from the idioms not having the 'independent' status (e. g. dialects, national-territorial/ethno-territorial variants, etc.). The problem is important not only from purely linguistic point of view - it also has social and political aspects. It is emphasized, that the question under discussion has no universally accepted principles of decision and leads sometimes to fierce debate.

Key words: language, separate, independent, dialect, variant, criteria.

В классическом учебнике А.А. Реформатского, по которому уже более полувека отечественные студенты-филологи знакомятся с основами языковедения, раздел о классификации языков начинается с указания на то обстоятельство, что «во многих случаях из-за недостаточной изученности неясно, что это – самостоятельный язык или диалект какого-либо языка» [8, с. 187]. Однако, как показывает даже поверхностное знакомство с рассматриваемым вопросом, подобные

© Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т., 2014.

сомнения возникают и по отношению к идиомам, о «недостаточной изученности» которых говорить не приходится. Достаточно напомнить хотя бы о таком коммуникативном средстве, используемом на территории Шотландии, как Scots (шотландский язык / диалект?), статус которого до сих пор не может считаться однозначно определённым [7].

С другой стороны, судьба английского языка в тех странах, где он является первым (родным) для большинства населения, внешне вполне

аналогична той, которая была у норвежского в Исландии или у голландского в Южной Африке: занесённый поселенцами язык с течением времени приобрёл такие черты, которые отличают его (иногда весьма заметно) от исходного состояния. Тем не менее, говоря об исландском или об африканс, практически всегда используют лексику «язык», в то время как идиомы, представленные в Соединённых Штатах Америки, Австралии и т. п., именуется «вариантами» английского языка. Впрочем, в Германии можно встретить изданные на немецком произведения, которые обозначаются как «перевод с американского»: «Und es scheint tatsächlich eine sehr übliche Bezeichnung im Deutschen zu sein: Es gibt viele Fundstellen für 'Aus dem Amerikanischen von'» [14].

Конечно, для лингвистики такого рода несовпадения в трактовке тех или иных терминов не столь уж редки. В этом смысле в определённой степени сохраняет свою актуальность высказанное почти столетие тому назад в «Курсе общей лингвистики» замечание о том, что «до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определёнными» [10, с. 143]. Однако если споры о том, как следует трактовать понятие фонемы и какие признаки являются определяющими при рассмотрении предложения, при всей их несомненной важности и значимости, в основном носят всё-таки внутрilingвистический характер, то с рассматриваемой проблемой дело обстоит несколько иначе. Как известно, признание или, напротив, отрицание права того или иного идиома считаться самостоятельным языком не раз

становилось причиной весьма острых конфликтов, причём дело отнюдь не ограничивалось только языковой стороной.

Если попытаться проанализировать предлагавшиеся в специальной литературе подходы к разрешению данного вопроса, то – не претендуя, естественно, на полноту и, тем более, исчерпывающий характер – можно выделить следующие критерии интересующего нас разграничения.

1. Наиболее «естественным» для «обычного говорящего» (впрочем, и для многих специалистов) будет, очевидно, критерий, который целесообразно назвать коммуникативным. Суть его может быть выражена следующим образом: если язык есть средство общения, то возможность для носителей тех или иных идиом понимать друг друга при пользовании ими, не прибегая к посреднику, свидетельствует о том, что перед нами диалекты / варианты / разновидности одного и того же языка, «самостоятельного» статуса, очевидно, не имеющие. Отсутствие же понимания свидетельствует об обратном. Однако, как и все простые решения, приведённый тезис легко опровергается (и не раз уже был опровергнут) достаточно убедительными примерами. Напомним только один такой пример, приведённый в своё время М.В. Ломоносовым: «... В Германии баварский крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа» [5, с. 397]. В коммуникативном плане различие между диалектами и вариантами немецкого языка – как по отношению к литературному стандарту (Hochdeutsch), так и между собой – вероятно, и в насто-

ящее время не менее значительно, чем между упомянутыми выше голландским и африкаанс, которые подобным статусом наделены. С другой стороны, как неоднократно отмечалось в специальной литературе, общепризнано, что в Норвегии, Швеции и Дании представлены разные языки, несмотря на достаточно высокий уровень взаимопонимания, существующий между их носителями ('notwithstanding the considerable amount of inelligibility which exists between them') [16, p. 179].

2. Подход, который можно было бы назвать «лингво-диахроническим», был представлен в трудах компаративистов конца XIX – начала XX столетий и был ориентирован исключительно на исследования в области сравнительно-исторического языкознания, базируясь на общности происхождения соответствующих идиомов (наличие единого праязыка) и на общности происходивших в них исторических процессов. В отечественной науке указанного периода подобная трактовка наиболее чётко проявилась в трудах крупнейшего представителя Московской лингвистической школы А.А. Шахматова, посвящённых весьма злободневному для его современников вопросу о взаимоотношении между русским, белорусским и украинским: «Каждый представитель русского племени, будь он великорусом, или белорусом, или малорусом, может назвать свой язык *русским*: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения остаётся русским, каким бы изменениям ни подвергся в течение времени <...> Исходя из этого положения <...> мы вправе рассматривать все современные русские языки во всём их разнообразии как

одно, в научном отношении, целое. За индивидуальными чертами, определяющими великорусские, малорусские и белорусские языки, мы видим те общие признаки их, по которым эти языки должны рассматриваться как часть одного языка – русского <...> предок великорусского языка, так же как и предок малорусского, в доисторическую эпоху своего существования, следовательно, с момента выделения из общеславянского праязыка до XI в., пережили ряд общих явлений и образовали вместе язык, отличный от языка старшей эпохи общеславянской» [12, с. 7–14]. В этой связи учёный довольно иронически отозвался о возражениях против такого понимания, которые исходят «от дилетантов, выступающих с ними для доказательства таких положений, которые в подобных аргументах не нуждаются, – для доказательства права малорусского языка на самостоятельное развитие, для доказательства законности его употребления в литературе и публицистике» [12, с. 11–12]. Следует, однако, подчеркнуть, что сам А.А. Шахматов был решительным сторонником такого права. Об этом, в частности, свидетельствует его статья, опубликованная уже в наши дни О.В. Никитиным [6], в которой подчёркивается, что «русскими сделать малорусов и белорусов можно только при условии самого участливого, самого внимательного отношения к тем запросам в области языка, которые предъявляют теперь малорусская, а за ней и белорусская интеллигенция» [13]. Отмечал учёный, в частности, явную парадоксальность ситуации, при которой правящие круги «находили терпимыми в пределах России всякие инородческие литера-

туры: евреи, татары, армяне, поляки не имели права говорить и писать на своих языках, но этого права лишились православные русские» [13]. В определённой степени аналогичную трактовку по вопросу о прекращении языкового единства можно найти и в трудах Н.С. Трубецкого (ко времени их создания довольно сильно разошедшегося с позицией Московской школы): «Из понятия распада праязыка следует, что за момент этого распада можно принять момент последнего изменения, общего всем диалектам данного языка» [11, с. 164]. Однако очевидно, что определить, является ли данное изменение «последним», можно только ретроспективно, и для отражения реальной языковой ситуации указанный критерий явно неприменим.

3. В качестве ещё одного, довольно распространённого (по большей части, не среди лингвистов) критерия фигурирует наличие / отсутствие собственной кодифицированной нормы (в связи с тем прежде всего, что речь идёт о письменной форме функционирования языка). Основанием для него служит принимаемое «по умолчанию» положение, согласно которому диалекты функционируют, прежде всего, в сфере устной коммуникации. Если в чисто практическом плане оно и может в определённых случаях использоваться (хотя и с весьма большими ограничениями), то степень его научной обоснованности вызывает серьёзные сомнения. Не говоря уже о хорошо известном понятии «бесписьменные языки» (а к таковым принадлежит большинство существующих на Земле языков), названный критерий противоречит факту существования так называемой «литературы на диа-

лекте», т. е. применения в литературном творчестве идиома, который сам автор воспринимал как «диалект». Достаточно привести в качестве примера творчество Р. Бёрнса, место которого в истории литературы общеизвестно, хотя «и сам поэт, и его современники говорят не о шотландском языке, а о шотландском диалекте» [1, с. 278].

4. В социолингвистической литературе указывалось также, что «в обыденном употреблении обычно противопоставляются язык и диалект с точки зрения престижа: язык более престижен, чем диалект. Если воспользоваться этим критерием, то стандартный английский окажется языком, а остальные варианты, которые не отражаются в письменной форме – диалектами» [3, с. 43]. Однако, как мы отмечали выше, отсутствие отражения в письменной форме для идиома, признаваемого диалектом, – условие достаточно относительное. В значительной степени аналогичным образом может обстоять дело и с «престижностью». Особенно показательна в этом смысле ситуация в немецкоязычной Швейцарии, где, как неоднократно отмечалось в специальной литературе, так называемый *Schwizertütsch* воспринимается подавляющим большинством носителей (причём, независимо от принадлежности к тому или иному социальному слою) как один из важнейших признаков национально-культурной идентичности: «In Schweiz genießt die Mundart in allen sozialen Schichten ein großes Ansehen. Für die meisten Sprecher ist sie ein Symbol der Vertrautheit, Gemütlichkeit, Heimat und Wärme» [4, S. 30]. В этой связи можно вспомнить восходящий к немецкому лингвисту Х. Клоссу термин *Ausbau-dialekt*, т. е.

«расширенный», «развитый» диалект (иногда используется не требующее перевода обозначение *Kulturdiialekt*). Последний обычно определяется как такой языковой вариант, который имеет признаки самостоятельного языка, включая специфическую орфографию, использование в образовании, и / или административном управлении, применение в средствах массовой информации, но по политическим либо лингвистическим причинам рассматривается как диалект («Sprachvarietäten... die zwar wie eine eigenständige Sprache behandelt werden (z. B. eigene Rechtschreibung, Schul- und/oder Amtssprache, starke Verwendung in den Massenmedien), denen aber von anderer Seite (ob aus politischen oder sprachwissenschaftlichen Motiven) der Status einer Einzelsprache aberkannt wird und die stattdessen als Dialekt betrachtet werden») [15]. С другой стороны, указанный критерий вряд ли применим в тех случаях, когда речь идёт о так называемых национально-территориальных и / или этно-территориальных вариантах того или иного языка, функционирующего за пределами своего первоначального распространения в качестве основного средства коммуникации соответствующего языкового коллектива (подробнее о понимании названных терминов см. [2]). Действительно, вряд ли для носителей американского английского последний является «менее престижным» вариантом по сравнению с «исконным» британским. Не случайно, наряду с привычным *Standard English*, в специальной литературе (в том числе и принадлежащей британским авторам) употребляется и термин *Standard American English*. Так, описывая языковую ситуацию в Син-

гапуре и на Филиппинах и говоря о сосуществовании местных разновидностей английского (*Singlish* и *Taglish*) с языковым стандартом, Д. Кристал в первом случае говорит о *Standard British English*, во втором – о *Standard American English* [16, p. 189].

5. Таким образом, наиболее реальными при решении вопроса «язык / диалект / вариант» остаются критерии, которые, с собственно лингвистической точки зрения, носят достаточно субъективный характер и которые можно было бы назвать «лингвопсихологическим» и «лингвополитическим». Суть этого подхода Д. Кристал сформулировал следующим образом: если какая-либо общность желает, чтобы используемое ею средство коммуникации рассматривалось как «язык» и если она обладает достаточными политическими возможностями, чтобы подкрепить это требование, то вряд ли что-либо может помешать такому решению: 'It seems that if a community wishes its way of speaking to be considered as a 'language', and they have the political power to support their decision, there is nothing which can stop them doing so' [16, p. 179]. В связи с лингвополитическим критерием вспоминается изречение, автором которого считают обычно Макса Вайнрайха: 'A language is a dialect with an army and a navy' («Язык – это диалект, у которого есть армия и флот»). Разумеется, его не следует понимать буквально. Однако, с другой стороны, не приходится оспаривать, что наличие определённых государственных институтов и / или элементов автономии, основанной на культурно-языковом принципе – даже при отсутствии независимости в собственном смысле слова – может

в определённой степени стимулировать подобного рода «лингвистическое самоопределение» (хотя отнюдь не обязательно приводит к нему). Вместе с тем, приходится принимать во внимание и то обстоятельство, что упомянутое выше «желание общности» – явление достаточно сложное и неоднозначное. Характерен в этой связи опрос, проведённый в 2010 г. Правительством Шотландии (в опросе принимало участие 1000 человек) относительно «статуса» Scots в восприятии жителей последней. С одной стороны, он показал, что для большей части взрослого населения названный идиом не является *языком* в собственном смысле слова, хотя более четверти опрошенных придерживается противоположной точки зрения: ‘There is widespread agreement (64%) that, ‘I don’t really think of Scots as a language – it’s more just a way of speaking’ suggesting that for most adults in Scotland, Scots is not considered a language. However a substantial minority did disagree with this statement (29%) highlighting that there is no consensus on this issue’ [17]. С другой стороны, подавляющее большинство испытуемых подчеркнуло важность использования данного идиома в качестве коммуникативного средства, тогда как почти треть такой точки зрения не разделяет: ‘At a general level the majority (67%) regard it is as important that Scots is used in Scotland these days, and indeed for a significant minority this view was expressed with conviction (29%). However although opinion is more likely to be positive than negative on the importance of using Scots these days, the percentage claiming it is not important is fairly substantial, at just under a third (31%)’ [17]. Разумеется, степень репре-

зентативности проведённого опроса (учитывая относительно небольшое число участвовавших) может интерпретироваться по-разному. Однако, на наш взгляд, он, тем не менее, достаточно наглядно иллюстрирует, что апелляция к этноязыковому сознанию требует определённой осторожности.

В заключение отметим, что трудность в разрешении рассматриваемой проблемы побудила некоторых зарубежных учёных, говоря об идиомах типа Scots, применять по отношению к ним предложенный в своё время упомянутым выше Х. Клоссом термин *Halbsprache* (англ. *semi-language*). Однако использование его русского эквивалента («*полуязык*») представляется нам нецелесообразным. Во-первых, для большинства носителей русского языка подобные образования будут иметь явно негативную коннотацию, что для научного термина явно нежелательно. Во-вторых, возникает опасность смешения его с понятием «*полуязычие*», которое трактуется как «особый вид билингвизма, при котором имеет место частичная утрата родного языка (неполное владение им) и одновременно неполное усвоение другого языка» [9, с. 169], т. е. явление принципиально иного характера.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнштейн Л.М. Комментарии // Роберт Бёрнс. Стихотворения. – М.: Радуга, 1982. – С. 559–670.
2. Валуйцева И.И., Хухуни Г.Т. Национально-территориальный или этно-территориальный вариант языка? (к вопросу о критериях выделения) // Жизнь языка в культуре и социуме-3. Материалы конференции. Москва, 20–21 апреля 2012 г. – М.: Изд-во «Эйдос», 2012. – С. 230–232.

3. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
4. Ключева Т.В. Швейцария. Люксембург. Лихтенштейн: Уч. пос. по страноведению на нем. яз. – М.: НВИ – ТЕЗАУРУС, 1999. – 90 с.
5. Ломоносов М.В. Избранная проза. – М.: Сов. Россия, 1980. – 512 с.
6. Никитин О.В. Неизвестная статья А.А. Шахматова «О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племён, населяющих Россию». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=454618> (дата обращения: 08.05.2014).
7. Павленко А.Е. Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – СПб.: Наука, 2003. – 243 с.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
9. Словарь социолингвистических терминов / Отв. редактор В.Ю. Михальченко. – М.: Институт языкознания РАН; Институт иностранных языков, 2006. – 312 с.
10. Соссюр Ф. де. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
11. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – 800 с.
12. Шахматов А.А. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1. Исторический процесс образования русских племён и наречий. – Петроград: Изд. ком. студентов ист.-филол. ф-та Петроградского университета, 1916. – 146 с.
13. Шахматов А.А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племён, населяющих Россию. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=454618> (дата обращения: 08.05.2014).
14. 'Aus dem Amerikanischen' – Übersetzungsbezeichnungen im Deutschen. [Электронный ресурс]. – URL: <http://forum.wordreference.com/showthread.php?t=1668078/> (дата обращения: 08.05.2014).
15. Ausbaudialekt. [Электронный ресурс]. – URL: <http://de.wikipedia.org/wiki/Ausbaudialekt> (дата обращения: 08.05.2014).
16. Crystal D. English as Global Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 212 p.
17. Public Attitudes Towards the Scots Language. // The Scottish Government. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.scotland.gov.uk/Publications/2010/01/06105123/0/> (дата обращения: 12.05.2014).